

УДК 323.3

DOI: 10.17223/1998863X/43/17

В.С. Мартьянов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУБЪЕКТЫ ПОЗДНЕГО КАПИТАЛИЗМА: ОТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КЛАССОВ К РЕНТООРИЕНТИРОВАННЫМ МЕНЬШИНСТВАМ¹

Исторически капитализм прошел путь от либеральной утопии до консьюмеристских политических технологий, обнаруживших глобальное истощение ресурса рынка для смягчения остроты политических конфликтов. Усиливающиеся нерыночные группы в ситуации нисходящей социальной мобильности все чаще прибегают к рентоориентированным стратегиям. Однако в условиях кризиса рынка эти партикулярные стратегии не разрешают, но лишь временно компенсируют нарастающие в позднемодерном обществе политические конфликты.

Ключевые слова: меньшинство, мирополитика, политический субъект, прекариат, рентоориентированное поведение.

Эволюция капитализма: от либеральной утопии к консьюмеристским технологиям

Эволюция капитализма от политической утопии *третьего сословия* к массовому потребительскому консьюмеризму в его глобальной версии обусловила закономерную трансформацию состава политических субъектов. Модерные идеологии обнаруживают нарастающий разрыв между реальностью и ее вариативным восприятием дифференцированными социальными группами, претендующими на экстраполяцию своего классового сознания на общество как таковое. Современное общество как постоянный конфликт *интерпретативных сообществ* в качестве базового условия своего существования предполагает обобщение или *тотализацию* политического порядка в структурах группового опыта. Эти структуры группового опыта фиксируются политическими идеологиями, воссоздавая карту сложносоставного общества, конструируя его целостность, тотальность, даже если полученные *когнитивные координаты* общества признаются другими коллективными интерпретаторами искаженными, субъективными и партикулярными версиями. Здесь впервые целенаправленное создание идеологий и утопий как способа коллективного *когнитивного картографирования* позволяет обозначить субъектность и идентичность класса через выявление и представление его социальных координат. Фактически классы создаются через осмысление идеологии как текущих коллективных интересов и утопии как образа будущего.

И наоборот, транслируемые элитами теории модернизации выступают в виде попыток убрать классовое содержание из политики, оставив лишь экономический детерминизм всеобщих закономерностей. Однако их более вни-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №18-011-00088 «Политический порядок современных обществ в контексте рентной трансформации».

мательное изучение показывает, что теории модернизации и транзита являются паллиативом классовых идеологий. Они существуют не для того, чтобы *понять* общества, в отношении которых они применяются, но с тем, чтобы сделать их похожими на другие общества, выступающие в качестве *целевого образца*. Поэтому обманчиво нейтральная идея модерности, представленная в виде неolibеральной концепции модернизации, указывает на интеллектуальный тупик, на отсутствие у капитализма каких-либо выходящих за рамки методологического индивидуализма *homo economicus* социальных, политических или культурных смыслов, позволяющих удерживать общество от перманентного распада [1. С. 104–107]. Капитализм как саморегулируемый рынок оказался неспособен к сложной социальной регуляции коллективного поведения, связанной не только с частными выгодами, но и с моральной стимуляцией поведения, основанного на долге перед другими людьми в условиях, когда эти частные выгоды не работают или оказываются недостаточными в ситуации их множественного конфликта.

Исторически интенсификация капитализма помогала снижать остроту порождаемых им внутренних противоречий современного общества за счет экономического роста, технического прогресса и постмодернистских культурных технологий дисциплинарного контроля. Поздний капитализм постоянно коммодифицирует человеческие желания и удовольствия, отчуждая и превращая их в товар [2]. Развивая культурную индустрию, капитализм закономерно приходит к пределу эксплуатации самой человеческой природы, ее включению в политические *практики лояльности* и прибыльную индустрию *культуры досуга*. Ф. Джеймисон подмечает гендерный поворот позднего капитализма, когда в центре внимания культурной индустрии капитализма неизбежно оказываются женское тело и его потребности, так как именно женщины являются доминирующими потребителями/покупателями массовых товаров. Удовольствие, лежащее в основе потребления, в политике может использоваться всеми идеологическими субъектами: не только для революции, освобождающей наши желания, несущей новые удовольствия, но и для сохранения актуального политического порядка, когда концепция общества потребления позволяет сублимировать революционные порывы в потребительские инстинкты. В частности, постоянная двойственность гедонизма/пуританства революционных левых, отмечаемая Ф. Джеймисоном, означает, что конечной монополии на регуляцию удовольствия ни у кого из политических субъектов нет [Там же. С. 4]. Левые в качестве *альтернативы рынку* до сих пор могли предложить лишь такую инстанцию контроля, как *партия* или *государство*. Это, возможно, лучше традиционной религиозной регуляции консерваторов, но в то же время не является оригинальной социальной инновацией. В подобных альтернативах дисциплинарный контроль будет осуществляться не рынком, но религией или партией-государством, что не дает явного преимущества, судя по советскому дисциплинарному опыту политической сублимации. Поэтому умеренные левые, например социал-демократы, вполне вписываются в исходный либеральный консенсус ключевых современных идеологий (либерализм, консерватизм, социализм), легитимизирующий капитализм и институционально оформленный как компромисс наций-государств и глобальной мирэкономике.

В результате идейные варианты освобождения граждан от недостижимого нормативного порядка *потребительского рая* позднего капитализма предлагают только радикальные левые, анархисты, отчасти коммунитаристы, которые не жалуют ни капитализм, ни государство, ни религию. Здесь же закономерно возникает другой вопрос – как институционально возможно не прошлое, к которому нет возврата, но будущее некапиталистическое общество, что его будет скреплять в качестве социальных регуляторов? В области культурного доминирования и *мягкой силы* дух позднего капитализма уже пронизан эклектизацией и смешением всего предшествующего ценностного наследия и почти не порождает принципиально нового. На фоне подобных слабых альтернатив есть один сильный практический довод в пользу самого позднего капитализма, стоящий всех других, – никогда еще большинство людей в истории не обладали такими потенциальными возможностями и такой индивидуальной свободой, как в нынешних условиях. А стремление/желание индивидов и социальных групп воспользоваться этой свободой, в том числе вопреки культурной логике позднего капитализма, – это уже совсем другой вопрос. И здесь левые, безусловно, проигрывают буржуазии борьбу за интерпретацию природы человека, за нормативные представления об удовольствии и смысле жизни. Конечно, можно говорить, что любое частное удовольствие можно политизировать и сделать достоянием больших социальных групп через его символизацию посредством *утопического*. Проблема в том, что для этого уже нужно иметь *Утопию* как метанарратив, как универсальный политический проект. Иначе любые *революционные ситуации* и вызовы не попадут в требуемый утопический контекст за его отсутствием, не станут действительными альтернативами настоящему. А с производством новых утопий и у левых, и у правых в настоящее время наблюдается явный кризис, свидетельствующий о безальтернативности позднекапиталистического модерна. Институционально кризис выражается в спаде традиционных форм политического участия, прямого представительства и активизма граждан – падением численности политических партий, сокращением охвата работающих профсоюзами, постоянным снижением явки избирателей на выборы, сжатием публичной активности граждан и ее замещением виртуальными сетями и т.д. [3. С. 76].

Указанная безальтернативность негативным образом влияет на нисходящую политическую субъектность ключевых социальных групп общества, отражаемую постмодернистскими теориями. Постмодернизм характеризует усложнение и хаотизацию социальных, политических, культурных порядков, в которых становится все сложнее поддерживать общие, универсальные публичные пространства и ценностные иерархии, опирающиеся на гегемонию привычных для индустриального модерна экономических классов. Распад этих пространств и марксистских экономических классов на более мелкие социальные группы, объединяемые уже не столько общим положением на рынке, сколько более слабыми социальными связями, фундированными эфемерными стилями жизни, идентичностями, увлечениями, но также общими угрозами и страхами, обуславливает поиск новых форм организации политического порядка и принципов социальной стратификации. Малые группы со слабыми социальными связями, например креативный класс или сообщества социальных сетей, начинают обладать более эффективными идентичностями

и культурными кодами, чем все более размытые классы, лишаящиеся политической субъектности в условиях технологического замещения людей в производственных цепочках и общего ослабления свободного рынка как механизма распределения общественных ресурсов. Аналогичные процессы наблюдаются в области культурного воспроизводства социального порядка, когда постмодерн легитимирует параллельные символические логики и иерархии, а культура, открепляясь от реального, становится самореферентной системой. Как и в случае доминирования в экономике позднего капитализма виртуальных глобальных финансов, функционирование культурных логик и смыслов все сильнее теряет связь с действительностью. В результате в качестве агента политического действия начинает преобладать *шизофренический субъект*, утрачивающий способность к эффективной организации своих интересов в реальном пространстве истории, которое оказывается полностью заслоненным пространством культуры, симулирующей эту историю. Все действия шизофренических субъектов внутри не принадлежащих им кодов культуры, которую они принимают за реальность, оказываются действиями *символического порядка*, которые не ведут к изменению *реального* политического порядка.

Во многом это происходит потому, что шизофренический субъект постмодерна утрачивает способность воспринимать историческое время и мыслить исторически. Прошлое и будущее для него отодвигаются на смысловую периферию, а настоящее предстает как дискретное, прерывистое и в то же время неизменное состояние социума. В результате субъект утрачивает способность фиксировать общественные изменения во времени и создавать утопии, обращенные в будущее как альтернативу настоящему. Причем нечувствительность подобного субъекта к прошлому и будущему постмодернистами интерпретируется позитивно, как признак его свободы в настоящем, заслоняющем весь временной горизонт. Соответственно, шизофренический политический субъект не может производить утопии, поскольку у него нет желаний и надежд, придающих утопический импульс переменам. В условиях *постмодернизма как культурной логики позднего капитализма* время истории рассматривается не как несводимая к пространству альтернатива, а как ресурс, который можно конвертировать в другие ресурсы, имеющие место внутри пространства вечного настоящего [4]. В результате горизонты истории и утопии для политических субъектов исчезают, сознательно выводятся за методологические скобки, не позволяя создавать радикальные политические программы, предполагающие утопическое измерение [5].

Новая конфигурация политической субъектности: шизофренические субъекты и рентные группы

Таким образом, капитализм, поддерживая политический порядок позднего Модерна, преобразует бытие людей в герметичной культурной логике, в которой из области видимого выносятся регуляторы общественной и индивидуальной жизни, связанные с историей и утопиями. Представляется, что в позднемодерных обществах политические идеологии все менее будут детерминированы экономически, т.е. способом производства, так как политическая роль и рынка, и капитала, и труда начнет падать. И наоборот, будут возрастать культурная детерминация и обоснования групповых интересов, значение

социального статуса и социального капитала. Примеры этого сдвига можно видеть в бесконечном политическом восстании и/или реванше различных *меньшинств*, требующих доступа к распределению общественных ресурсов на основании различных символических логик, связанных, как правило, с воображаемыми неравенствами и ущемлением их прав в современных обществах [6. С. 59–62]. Однако это не более чем локальные и партикулярные логики *справедливого передела, ремонта или лечения социокультурной травмы* позднекапиталистического общества, принципиальных альтернатив которому никто из этих меньшинств не выдвигает.

В подобной ситуации, возвращение политической субъектности может быть только революционным, связанным с преодолением усугубляющегося кризиса рыночного капитализма и как способа распределения общественных ресурсов, и как основания легитимации современного политического порядка. Любая революция реализует структурные возможности общества, к которым оно уже готово, но при этом продолжает мыслить себя соотношениями привычных социальных групп, чья конфигурация и взаимоотношения испытывают все большие деформации. В настоящее время можно отметить несколько глобальных фоновых сдвигов, которые ведут к преобразованию субъектов позднекапиталистического общества. Во-первых, это радикализация неравенства как внутри обществ, так и между ними, связанная с отказом от модели социального государства, преобладавшей в *славное тридцатилетие* (1945–1975) [7. С. 270–272]. Причем классовые факторы неравенства в условиях глобального мира начинают уступать доминирующее положение географическим [8]. Во-вторых, медленная, но неуклонная утрата рынком доминирующих позиций в области социальной стратификации, которая все сильнее компенсируется возвратом регулятивной роли государства. Эта утрата обусловлена прогнозами о глобальной приостановке экономического роста к середине – концу XXI в. Экономический рост, наблюдавшийся в человеческой истории лишь последние 200 лет, стал восприниматься как *естественная и неизменная норма*, служившая *панацеей* при разрешении накапливающихся в обществе конфликтов. Однако в ближайшем будущем ресурс экономического роста, связанная с ним модель социального государства и рынки труда, которым предписано вечно расширяться, оказываются предельно уязвимы. Наконец, в-третьих, вследствие неуклонного исключения человека из автоматизированных и роботизированных производственных процессов наблюдается мировой рост безработицы, расширение прослойки *лишних людей* и прекариата как нового класса, которого не устраивает сложившийся политический порядок, оставляющий их без возможностей к достойному существованию, когда традиционные рынки труда сокращаются, а новые просто не появляются [9. С. 123–124].

В условиях структурного кризиса свободного рынка, сокращения политического влияния *людей труда* и падения прибылей с капитала расширяющейся стратегией практически всех политических субъектов становится *рентоориентированное поведение*, связанное с *политическим доступом* к тем или иным ресурсам. Эти ресурсы все менее связаны со способностью граждан к труду, рыночными инвестициями или востребованностью на рынке. И все чаще с доступом к власти, государством и местом социальных групп в сложившихся иерархиях раздач и привилегий вне зависимости от классифи-

кации конкретных обществ как демократических/недемократических, рыночных/нерыночных. Указанная тенденция описывается в нормативном дискурсе рыночно-демократической модернизации как *архаизация* общества, возврат к рентно-сословному политическому порядку, описываемому с помощью метафор неопатримониализма и неофеодализма [10. С. 200–214]. Тем не менее рентоориентированное поведение, описываемое нормативными неолиберальными теориями как поведение паразитическое, характерное для *больных, отсталых и отклоняющихся обществ*, все чаще обретает признаки доминирующей политической стратегии государств, корпораций и граждан, в том числе в рыночных и демократических сообществах, образующих ядро мировой экономики, где условием рентного доступа к достойному социальному пакету становится сам факт наличия/отсутствия гражданства.

В подобной перспективе на смену свободным рынкам приходит глобальная рентно-распределительная модель, где политические факторы стратификации общества вновь выходят на первый план, вытесняя доминирование рынка. Все большее число социальных групп превращается в заложников рентного доступа, теряя иные источники существования, в то время как рынок упраздняет сам себя, отодвигаясь на периферию обменов ресурсами и превращаясь в государственно-рентный капитализм. В такой конфигурации экономика неизбежно обращается в производное от политического порядка, связанного с новыми политическими конфигурациями субъектов, распределяющих ресурсы на внеэкономических основаниях.

Рентоориентированная стратегия *лишних* социальных групп не гарантирует им постоянный успех. Она будет сохранять силу до тех пор, пока культурная логика доступа к ренте будет срабатывать при обосновании их рентных прав в виде компенсации всевозможных исторических, экономических или просто воображаемых (символических) лишений. Поскольку расширяющийся прекариат является продуктом распада экономических классов индустриального капитализма, прежде всего рабочего класса, он представляет собой не столько новый политический *класс для себя*, сколько набор разнообразных социальных групп, меньшинств, объединенных *нисходящей тенденцией социальной мобильности*. При этом общность положения в качестве обделенных глобальным капитализмом общностей может сочетаться с частными противоречиями указанных прекариатных групп. В особенности когда речь идет о конкуренции за рентные ресурсы. Политической консолидации этих групп на классово-идеологической основе вокруг общих долгосрочных интересов препятствует шизофреничность политического мышления, обусловленная постмодернистской потребительской культурой. Эта культура производит смысловые акценты на разнообразных различиях, разрывах, деконструкции и конфликтах, когда политические логики локальности и партикулярности не позволяют организовать эффективное коллективное политическое действие.

Закономерно, что в условиях доминирования символических логик распада и новой сословности базой для ключевого политического конфликта ближайшего будущего может стать ситуация, в которой культурные и идеологические манипуляции, связанные с обоснованием политического права на ренту и рентоориентированным поведением, будут расширяться на все большее число социальных групп, становясь в итоге доминирующей стратегией

большинства. Однако указанная перспектива резко снижает общую эффективность рентоориентированных стратегий, апеллирующих к государству, и радикализирует все имеющиеся, в том числе *спящие* политические противоречия, разрешать которые путем точечных рентных раздач и доступов будет все сложнее. Отдельная проблема состоит в том, что всеобщность рентоориентированного поведения размывает консолидирующие политические институты нации-государства и способы разрешения внутренних конфликтов, связанные с территориальным суверенитетом, выборными процедурами, классовыми компромиссами и механизмами выработки общественного согласия посредством модели социального государства [11. С. 114–116].

Соответственно силовые линии господствующих политических конфликтов и разломов будут неизбежно связаны с инфраструктурным контролем/участием на разных уровнях отдельных социальных групп и государств в качестве субъектов распределения мировых ресурсных потоков; дифференцированным изменением принципов доступа граждан и их групп к общественным ресурсам; правами на политическую ренту и исключением в первую очередь *не-граждан* из указанного рентного доступа: «Самые важные сражения... развернутся не в воздушном пространстве и не на суше, полем битвы станет взаимосвязанная инфраструктура мировой экономики, а результатом нарушение торговых и инвестиционных потоков, международного права, интернета, транспортных связей и движения людей... взаимозависимость, некогда восхваляемая как препятствие для конфликта, превратилась в способ использования силы, поскольку страны стараются эксплуатировать асимметрию в отношениях друг с другом» [12].

Представляется, что указанный выше конкурентный сценарий является заведомо тупиковым, связанным с постоянным переделом ресурсов в пользу новых политических гегемонов. Выходом может стать глобальный переход к мирополитике, которая не является функциональным продолжением капиталистической мироэкономики, но позволяет выстроить мировую политическую систему на более эгалитарных и коммунитаристских началах, не подчиняющихся коммодифицирующей центр-периферийной логике капитализма [13. С. 85–86]. Подобная реморализация коллективных политических решений позволяет осознать более долгосрочные цели и вызовы, стоящие перед человечеством. Это способ консолидировать его на альтернативных ценностных основаниях по сравнению с таким историческим явлением, как капитализм, породившим большинство современных общественных противоречий. Осложняет этот переход архаическая ограниченность доминирующих субъектов мировой политики политической формой государства и логикой развертывания его партикулярных интересов во взаимодействии с другими государствами, в то время как капиталистическая мироэкономика давно является транснациональной [14. С. 47–48]. Поэтому надстройка мироэкономики до мирополитики, осуществляемой в интересах всего человечества, предполагает объективное усиление возможностей политических субъектов, выходящих в своей целерациональной деятельности за пределы выгод и издержек отдельных национальных сообществ.

Наконец, фундаментальной проблемой является то, что борьба за ренту становится ключевым политическим взаимодействием внутри позднемодерного общества. Это соперничество разнообразных меньшинств за *справедли-*

вое перераспределение ресурсов и технические изменения институционального политического дизайна не затрагивает самой системы идеологических координат позднего капитализма и модерна, остающихся неизменными. В результате цели и изменения, которых добиваются шизофренические субъекты, остаются довольно поверхностными. Эти изменения не разрешают, а лишь усугубляют и маскируют противоречия социальной структуры позднемодерного общества. Нерешаемые конфликты лишь *компенсируются* рентными раздачами без устранения порождающих их структурных причин. В результате поздний модерн остается глобально безальтернативным проектом, устраивающим *большинство* человечества даже в условиях прекращения видимого поступательного улучшения их жизненных условий. Терпимость к этому проекту прямо обусловлена отсутствием: а) горизонта утопий; б) исторической перспективы; в) ослаблением группового, классового самосознания новых социальных групп и их представлений о политической повседневноности.

Возврат политической субъектности в позднемодерном обществе будет прямо связан с воскрешением истории, утопий и превращением разрозненных групп прекариата в новый политической *класс для себя*, когда ухудшающиеся жизненные перспективы и закрытие разнообразных возможностей для самореализации побудят его к коллективному политическому действию во имя общего будущего и прогресса для всех. Это действие будет ориентировано не на популистский дискурс *восстановления справедливости*, но на пересмотр системы идеологических координат политического проекта позднего (глобального) модерна в пользу его альтернатив, когда господство шизофренической потребительской культуры, на котором основана легитимация существующего политического порядка, будет поколеблено новыми историческими, технологическими, экологическими и иными вызовами человечеству. И тогда шизофреническое сознание рентных групп и сословий, укрепляющихся в том числе в силу объективных экономических тенденций *общества без массового труда и экономического роста*, получит шанс вернуться в реальность. В мир, в котором ветер истории сорвет с их глаз временную завесу постмодернистской культуры и вернет новым прекариям настоящую политическую субъектность как способность к классовой тотализации политического.

Литература

1. Мартьянов В.С. Политические пределы homo economicus // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 104–118.
2. Джеймисон Ф. Удовольствие: политический вопрос // Логос. 2015. № 1. С. 1–22.
3. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.
4. Jameson F. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham : Duke University Press, 1992. 461 p.
5. Jameson F. The Politics of Utopia [Electronic resource] // Libcom.org : site. Electronic data. Oct. 7. 2010. URL: <http://libcom.org/library/politics-utopia-frederic-jameson> (access date: 25.09.2017).
6. Фишман Л.Г. Популизм – это надолго // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 55–70.
7. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем, 2016. 592 с.
8. Миланович Б. Глобальное неравенство : Новый подход для эпохи глобализации. М. : Изд. Инст. Гайдара, 2017. 460 с.

9. Фишман Л.Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Полития. 2016. № 3. С. 116–129.
10. Россия в поисках идеологий / под ред. В.С. Мартянова, Л.Г. Фишмана. М. : Полит. энцикл., 2016. 334 с.
11. Панкевич Н.В. Логика коллективных политических действий в условиях глобализации // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т. 10, № 3. С. 114–119.
12. Леонард М. Взаимосвязь как оружие [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике : сайт. Электрон. дан. М., 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vzaimosvyaz-kak-ozuzhie-17963> (дата обращения: 25.09.2017).
13. Мартянов В.С. Глобальный Модерн: от мироэкономики к мирополитике // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 80–89.
14. Вахрушева Е.А. Критика глобализации и антиглобалистские стратегии Фредерика Джеймисона // Полития. 2016. № 1. С. 43–53.

Viktor S. Martianov, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: martianov@instlaw.uran.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 43. pp. 181–190.

DOI: 10.17223/1998863X/43/17

POLITICAL SUBJECTS OF LATE CAPITALISM: FROM ECONOMIC CLASSES TO RENT-SEEKING MINORITIES

Keywords: minority; world-politics; political subject; precariat; rent-seeking.

Capitalism has evolved from a liberal utopia to consumer technology, in which commodification reaches its limits penetrating into all spheres of social life. Historical intensification and expansion of autonomous markets helped to resolve structural contradictions of modern society at the expense of economic growth, technological progress and modern cultural technologies of disciplinary control. Under late capitalism, all these sources are close to exhaustion. The cultural and political order of late capitalism leads to a situation when the schizophrenic subject begins to predominate as a mass agent of political action. This agent loses its ability to effectively organise its collective (class) interests in the space of history, which becomes completely overshadowed by the space of culture that simulates history. The activity of schizophrenic subjects within the consumption culture codes, which they do not control, belongs to the symbolical order that does not lead to a change in the real political order. The weakening of the political subjectness of the new social groups is expressed in the fact that the local and private logic of the just redistribution, repair or treatment of the sociocultural trauma of a late capitalist society starts to dominate in the public political field, while none of these subjects can offer any essential utopian alternative to this type of society. The fatalistic political tolerance for the project of the Late Modernity as the eternal present is directly determined by the absence of a) the horizon of utopias, b) the collective sense of historical perspective, and c) class identity of precariat minorities as successors of disintegrated market economic classes. Strengthening non-market social groups in the situation of a downward social trajectory are increasingly falling back on local rent-seeking strategies that do not resolve, but only temporarily compensate the growing structural political conflicts in late modern society. It is argued that the return of the real political subjectness of the majority can be connected with the resurrection of history, utopias and the transformation of separate precarious groups into a new political class. These goals imply the legitimisation of a new political order in which the market ceases to be a key factor of stratification.

References

1. Martianov, V.S. (2017) The Political Limits of “Homo Economicus”. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 104–118. (In Russian).
2. Jameson, F. (2015) Pleasure: A Political Issue. *Logos*. 25(1). pp. 1–22. (In Russian).
3. Ivanov, D.V. (2000) *Virtualizatsiya obshchestva* [Virtualisation of Society]. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye.
4. Jameson, F. (1992) *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press.
5. Jameson, F. *The Politics of Utopia*. [Online] Available from: <http://libcom.org/library/politics-utopia-frederic-jameson>. (Accessed: 25th September 2017).

6. Fishman, L.G. (2017) Populism Will Be Long Lasting. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 55–70. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.04>
7. Piketti, T. (2016) *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st Century]. Translated from English by A.A. Dunaev. Moscow: Ad Marginem.
8. Milanovich, B. (2017) *Global'noye neravenstvo. Novyy podkhod dlya epokhi globalizatsii* [Global Inequality. A New Approach for the Era of Globalization]. Moscow: Gaidar Institute.
9. Fishman, L.G. (2016) Decline of “Work Society”: Current Ideological Constellation. *Politiya – Politeia*. 3. pp. 116–129. (In Russian).
10. Martianov, V.S. & Fishman, L.G. (eds) (2016). *Rossiya v poiskakh ideologiy* [Russia in Search of Ideologies]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
11. Pankevich, N.V. (2012) The logic of collective political action in the age of globalization. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. 10(3). pp. 114–119.
12. Leonard, M. (2016) *Vzaimosvyaz' kak oruzhiye* [The Relationship as a Weapon]. [Online] Available from: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vzaimosvyaz-kak-oruzhie-17963>. (Accessed: 25th September 2017).
13. Martianov, V.S. (2012) Global Modern World: from World Economics to World Politics. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 6. pp. 80–89. (In Russian).
14. Vakhrusheva, E.A. (2016) Criticism of globalization and Fredric Jameson's anti-globalization strategies. *Politiya – Politeia*. 1. pp. 43–53. (In Russian).